

Основные направления перцептивно-логической эволюции лексики русского языка

СЕРГЕЙ ПОПОВ

Кафедра русского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина,
площадь Свободы, 4, UA-61022 Харьков
E-mail: s.leon.popov@gmail.com

(Received: 15 March 2017; accepted: 12 June 2017)

Abstract: The purpose of this paper is to analyze the manifestations of the influence of perceptual-logical components of thinking on the evolutionary processes in the Russian lexis. The study is in line with a cognitive and evolutionary approach. Based on the information of anthroponymic sciences about degrees of perception and the quality of logics, this approach allows to take a deeper view on the main reasons of the phenomena. The review of historical transformations of the Russian lexis in terms of its perceptual-logical evolution suggests that native speakers of Russian tend to optimize the lexical system of Russian in a logical way: 1) by generalizing the lexical meanings; 2) by creating abstract vocabulary; 3) by word formation with the help of a variety of derivational means, including borrowings; 4) by overcoming mnemonic shortage using two available, metaphorical and metonymic, opportunities to create new lexical meanings; 5) by getting rid of the logical inconsistency of polynomials; 6) by distinguishing words derived from Church Slavonic and their native Russian equivalents; 7) by getting rid of the vernacular, not required for communication by the overwhelming majority of native speakers; 8) by logically returning obsolete nominations for communication needs; 9) by continuing the development of polysemy at the present time.

Keywords: lexicology, Russian, lexis, perception, logic, evolution

0. Хорошо известно, что естественные языки с течением времени изменяются на всех своих ярусах. Это убедительно доказано трудами представителей сравнительно-исторического языкознания. Для большинства лингвистов языковые изменения являются абсолютным синонимом проявлений аксиоматически прогрессивного развития языка. Однако встречается также различие прогрессивного и непрогрессивного языкового развития. Вследствие такого различия по-разному трактуется и понятие языковой эволюции. Например, Б. А. Серебренников отождествляет эволюцию с прогрессом и различает относительный и абсолютный языковые прогрессы (СЕРЕБРЕННИКОВ 1970), а Н. В. Юдина различает в языке «просто изменения», которые называет эволюцией, и «изменения прогрессивные» (ЮДИНА 2010: 264–265).

Когнитивно-эволюционный подход, предложенный эволюционной эпистемологией к изучению закономерностей познания явлений действительности и примененный к изучению механизма стихийной и сознательной дифференциации русских грамматических вариантов (ПОПОВ 2015), позволил осознать правоту Б. А. Серебренникова и других лингвистов, склонных считать

языковые изменения прогрессивными, и признать эволюцию языка потенциально позитивной, характеризующейся высокой степенью позитивной реализации. Основой для такого признания стала фиксация когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики». Восприятие может быть: 1) синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, категоризировать познаваемое; 2) поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, часто ошибочная; 3) альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся в наличии признаки, благодаря чему может быть выбран признак, категоризация по которому корректна. Каждая из этих степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности тесно связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом см. Попов 2015: 64–142). Однако очевидно, что перцептивно обусловленное качество логичности мышления влияет не только на грамматический строй – в той или иной степени оно влияет на язык в целом, то есть на все его уровни, обуславливая соответствующее качество их логичности.

Цель настоящей статьи – рассмотреть проявления влияния перцептивно-логической составляющей мышления на эволюционные процессы в лексическом строе русского языка.

1. Начнем с бесспорного положения, что от лексического разнообразия языка зависит его смыслоразличительная способность (условимся считать смыслоразличение общим понятием, включающим и семантические, и стилистические различия): чем больше слов, тем качественнее такая способность. Известно, что языки первобытных народов, равно как и начинающих говорить детей (изоморфизм филогенеза и онтогенеза, гипотетически отмеченный в свое время Л. С. Выготским, в настоящее время несомненен – см. Барулин 2008: 52), имеют относительно мало слов, поскольку в познанной ими действительности нет такого количества объектов, для обозначения и различения которых понадобилось бы большое количество номинаций. По мере расширения сферы познания увеличивается потребность в смыслоразличении. Когда носители языка подсознательно воспринимают эту потребность, они так же подсознательно осуществляют деятельность, компенсирующую недостаток количества номинаций, а именно создают или, что проще, заимствуют новые слова. Создание слов во всех языках разнится: носители разных языков создают слова по совершенно разным внутренним формам, – что, с точки зрения эволюционной эпистемологии, неудивительно: присущая человечеству и трудно преодолеваемая поверхностность восприятия обуславливает случайность выбора признака, который кладется в основу номинации. Еще И. С. Рижский по этому поводу замечал: «Представим себе, что несколько человек смотрят в одно время на один огромный предмет. Поелику никто из них не в состоянии объять его всем своим взором, то один видит только одну, другой другую, и так далее, притом иной самую важную, иной, напротив,

малозначашую его часть. Подобно сему первоначально действует на умы разных народов всякий предмет» (Рижский 1973: 37). Неудивительно, что «блуждание взора», неспособность зафиксировать существенные признаки предметов наблюдается и у младших дошкольников (Эльконин 2005: 205). Случайность выбора признака номинации коррелирует со случайным выбором того или иного пути эволюции человечества. Как убедительно констатирует Л. Б. Вишняцкий, «наша состоявшаяся эволюционная история – это только один из многих потенциально существовавших ее сценариев, который, в отличие от других, не остался запасным лишь в силу во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств» (Вишняцкий 2004: 7).

2. Рассмотрим проявления влияния перцептивно-логической составляющей мышления на эволюцию лексического состава русского языка.

2.1. Прежде всего обращает на себя внимание способность носителей языка обобщать в одной номинации целый класс сходных предметов, то есть формировать понятие, лежащее в основе лексического значения. Такая способность развилась у человека по исключительно биологической причине: объем человеческой памяти не позволяет создавать и запоминать большое количество разных номинаций, особенно для сходных явлений. Об этом писал еще И. М. Сеченов: «Если бы человек запоминал каждое из впечатлений в отдельности, то от предметов наиболее обыденных, каковы, например, человеческие лица, стулья, деревья, дома и пр., составляющих повседневную обстановку нашей жизни, в голове его оставалось бы такое громадное количество следов, что мышление ими, по крайней мере в словесной форме, стало бы невозможным, потому что где же найти десятки или сотни тысяч разных имен для суммы всех виденных берез, человеческих лиц, стульев и как совладать мысли с таким громадным материалом?» (Сеченов 1952: 317). Но сейчас для нас важно другое: обобщение явлений по интегральным признакам возможно только при одновременном восприятии этих явлений, то есть при альтернативном их восприятии, которое в онтогенезе и филогенезе проявляется как результат перцептивно-логической эволюции от синкретичного восприятия через восприятие поверхностное. Именно поэтому для взрослого в значении слова *шкаф* обобщены все разновидности шкафов, в то время как для ребенка, еще не покидавшего пределы детской, находящийся в ней шкаф – единственный в мире, как единственной в мире является гора для живущих около нее и не видящих других гор первобытных людей.

2.2. Поскольку одним из признаков литературного языка является «приспособленность не только для обозначения всей суммы знаний, накопленных человечеством, но и для осуществления отвлеченного, логического мышления» (Горбачевич 1989: 7), лексика языка должна располагать соответствующими абстрактными словами. Неудивительно, что в истории лексического состава русского языка, как во многом и в речи ребенка, наблюдается постепенное количественное увеличение как слов вообще, демонстрирующее количественный рост формируемых в процессе познания понятий, так и слов отвлеченных, или абстрактных, свидетельствующее о логическом развитии

(взрослении по детскому типу) мышления носителей языка. Так, Ф. И. Буслаев обращает внимание на абстрагирование *-де*, происшедшего от *дееши* и ставшего односложным обобщенным показателем чужой речи (*Он-де там был*), а также застывшей и десемантизированной формы повелительного наклонения *гляди* (*Того и гляди, пойдет дождь*) (Буслаев 1959: 266).

подавляющее большинство слов исконно русских: индоевропейских, общеславянских, восточнославянских и собственно русских, – а также определенная часть слов заимствованных представляют собой термины родства, названия животных, растений, продуктов питания, простых действий и качеств, то есть конкретную лексику. С XIV века начинают постепенно появляться слова абстрактные: *ум, истина, добро, мысль, итог, осторожность, обман* и другие (Филин 2006: 516–624, Трубачев 1991: 155–208, Шанский 1972: 70–86, Черных 1962: 338–353, 357–365, Шмелев 1977: 234–243, Фомина 1990: 162–176). В памятниках Московской Руси значительно расширяется ассортимент русских слов и жанровое разнообразие их употребления (Булаховский 1958: 21–31). Лексическое взросление языка, аналогичное пополнению лексического запаса у подрастающего ребенка, происходит по принципу «от конкретного к абстрактному». Не возникает сомнений в том, что различение конкретного и абстрактного возможно только при альтернативности восприятия.

Однако нельзя не заметить, что по логичной частотности применения абстрактной лексики русский язык нередко уступает германским и романским языкам. Например, *Ребенок подползал к краю обрыва* переводится на французский язык системно: как *L'enfant rampait jusqu'au bord de la pic*. Но *Змея подползла к своей норе* переводится на французский как *Le serpent s'est approché de son trou* (французский глагол является прямым эквивалентом русского *приблизилась*); *Он пишет стихи* переводится на французский как *Il fait des vers* (французский глагол является прямым эквивалентом русского *делает*). С французской точки зрения, информация о том, что ребенок *подползал*, выглядит коммуникативно востребованной, поскольку является уточняющей, ведь ребенок к краю обрыва мог подходить или подбегать. Но информация о том, что змея к норе *подползает*, а стихи *пишутся*, для франкофона избыточна (логически противоречива), поскольку и без уточнения понятно, что змея только ползает, а не, скажем, бегаёт или ходит, а стихи обычно пишутся, а не, к примеру, рисуются или выцарапываются на стене острым предметом. В таких не требующих уточнения случаях носители французского языка, в отличие от носителей русского языка, могут обходиться абстрактной лексикой.

2.3. Убедительным доказательством достижения носителями русского языка уровня перцептивной альтернативности является стихийно-активное использование стихийно созданных ими же весьма разнообразных (альтернативных) деривационных возможностей русского языка для создания новых слов от различных частей речи, например, от существительного *земля* в разных его значениях образованы *земляной, землистый, земной, земельный, на-*

земный, земляк, землекоп, землемер, землевладелец, заземлить, заземление и другие. Показательно, что этот процесс охватил и заимствования. Так, оказавшаяся в русском языке иноязычную номинацию его носители без каких-либо затруднений не только подвергают русской фонетико-грамматической аккомодации, но и с помощью аффиксов образуют другую часть речи с новым лексическим значением, например, итальянское существительное *concerto* преобразуют в русское существительное *концерт*, а от него с помощью суффикса (звуковой и морфологический аспекты намеренно оставляем в стороне как лишь сопутствующие появлению нового лексического значения) создают прилагательное *концертный*; английское существительное *interview* аккомодируют в русское существительное *интервью*, от которого с помощью суффикса образуют глагол *интервьюировать*, а от него так же суффиксально образуют процессуальное существительное *интервьюирование*; заимствованное английское существительное *upgrade* «компьютерщики» некоторое время используют как просто аккомодированное существительное (*сделать апгрейд*), но очень скоро с помощью суффикса создают (пока профессионально-жаргонный) глагол *апгрейдить*. Такая обусловленная альтернативностью восприятия свобода деривации носителям индоевропейских языков кажется делом обыденно-привычным. Однако осознать его прогрессивную значимость несложно в сравнении с языками, в которых такая свобода деривационных действий невозможна, например, в сравнении с языками изолирующими.

2.4. Особым, не простым в плане истории его становления видом перцептивно-логической эволюции лексического состава языка является развитие у имеющихся слов переносных значений.

2.4.1. Общеизвестно, что в русском языке, как и во всех остальных языках, наблюдается асимметрия: «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» (Гак 1990: 47). В свое время С. Карцевский так объяснил природу упомянутой асимметричности: «Всякий знак является потенциальным „омонимом“ и „синонимом“ одновременно, т. е. он образуется скрещением этих двух рядов мыслительных явлений... Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» (Карцевский 1965: 85). «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по „наклонной плоскости реальности“. Каждое „выходит“ из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная, обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» (Карцевский 1965: 90). Как видим, объяснение С. Карцевского, концентрирующее внимание на омонимичности и синонимичности лингвистических знаков, позволяет объяснить и причины появления переносных значений: потребностью языка в динамике существования. Однако, вероятнее всего, причина переносности состоит не

столько в динамической потребности, сколько в упомянутой выше ограниченности объема человеческой памяти. Этому тезису есть достаточно убедительное доказательство от противного. К примеру, Б. Л. Уорф следующим образом сравнивает и комментирует метафоричность английского (заклучая метафоры в кавычки) и аметафоричность индейского языка хопи: «Я „схватываю“ „нить“ рассуждений моего собеседника, но если их „уровень“ слишком „высок“, мое внимание может „рассеяться“ и „потерять связь“ с их „течением“, так что, когда он „подходит“ к конечному „пункту“, мы расходимся уже „широко“ и наши „взгляды“ так „отстоят“ друг от друга, что „вещи“, о которых он говорит, „представляются“ очень условными или даже „нагромождением“ чепухи. Поражает полное отсутствие такого рода метафор в хопи» (Уорф 1960: 151). То, что поражает Б. Л. Уорфа, вполне объяснимо: в языке хопи, отражающем скромные результаты познания действительности его носителями, еще не развилась метафоричность лексики, поскольку в этом развитии не было потребности: существующих на тот момент номинаций для коммуникации было достаточно. Это, как известно, особенность всех первобытных языков и – на ранней стадии развития – языков цивилизованных: отсутствие переносных значений и абстрактных существительных. Ребенок, постепенно познающий слова родного языка, вначале демонстрирует полное соответствие пути такого познания законам логики: исходит из принципа контраста, то есть полагает, что каждому новому понятию должно соответствовать новое слово (см. CLARK 1993) (этим принципом руководствуются, как выяснилось, даже собаки – БЛОМ 2004). Лишь затем растущий-познающий человек воспринимает возможность нескольких смыслов для одной формы (делать многозначным один и тот же сигнал – по причине ограниченности ассортимента таких сигналов при насущной потребности выразить больше важной для выживания информации – вынуждены и животные; см. БУРЛАК 2011: 244–245).

2.4.2. Поскольку причина переносности лексических значений ясна, важно понять, насколько когнитивно-эволюционными по своей природе являются виды такой переносности – метафора и метонимия. Психологические сведения (см. об этом Попов 2015: 119–136) позволяют понять, что при любом переносе значения как удовлетворении потребности создать новое значение воспринимаются лишь те признаки (семы), которые в первую очередь замечаются как похожие (метафора) или в первую очередь обращают на себя внимание как понятийно соседние, смежные (метонимия). То есть при переносе значений, как и при познании мира ребенком, воспринимается только то, что наиболее заметно благодаря сходству по какому-то признаку (при метафоре) или благодаря тому, что находится в непосредственной близости (при метонимии). Это проявления поверхностного восприятия.

Показательно в таком перцептивном плане и то, что из двух фиксируемых сегодня видов переносных значений метафора попала в поле зрения лингвистов в первую очередь. Еще И. М. Сеченов считал очень важной для процесса познания регистрацию впечатлений не только по сходству, но и по

смежности: «всякое впечатление воспроизводится в тех же самых главных направлениях, в которых по сходству и смежности оно регистрируется в памяти, по сходству и смежности в пространстве и времени» (Сеченов 1952: 330), – но по понятной, научно мировоззренческой, причине – концентрации на самом языке с подчеркнутым безразличием к достижениям других наук – структуралисты Сеченова не читали.

В существующих советских и постсоветских толковых словарях *переносный* синонимически толкуется через *иносказательный*, *метафорический*, то есть лексическая метонимия в них не учитывается. В широко известном в русистике «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой *переносный* толкуется как абсолютный синоним *метафорический* (АХМАНОВА 1969: 319), и не более того. Только в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой переносное значение рассматривается в более широком аспекте: «Перенос значения происходит на основе сходства предметов по форме, по цвету, по характеру движения, на основе выполняемой предметом функции, на основе ассоциации по смежности (пространственной, временной и т. д.)» (РОЗЕНТАЛЬ–ТЕЛЕНКОВА 1985: 201). Прдемонстрированное выше обращение внимания прежде всего на метафору понятно: основанная на механизме сравнения, она гораздо заметнее метонимии (поверхностность восприятия).

2.4.3. Важным для понимания когнитивных корреляций метафоры и метонимии оказалось открытие, сделанное Р. Я. Якобсоном. Исследуя афазию с языковедческих позиций, ученый пришел к выводу о существовании двух лингвистических типов афазии: блокировки восприятия подобия (сенсорная афазия) и блокировки восприятия смежности (эфферентная афазия) (ЯКОБСОН 1985). Автор пронизательно связал эти виды афатической блокировки с метафорой, для которой центральным является понятие подобия (сходства), и метонимии, для которой центральным является понятие смежности: «Метафора не свойственна расстройству подобия, а метонимия – расстройству смежности» (ЯКОБСОН 1990: 126). Однако сделанные Р. Я. Якобсоном выводы свидетельствуют о большем. Ученый в других терминах говорит о парадигматических (оппозиции) и синтагматических (позиции) отношениях в языке в целом, которые таким образом еще раз обнаруживают свою фундаментальную значимость для связи языка со строем мышления – логикой, распределяющим познаваемое по парадигмам и фиксирующим синтагматику элементов таких парадигм. Несомненной является корреляция метафоры с понятиями парадигматики, языка и – в философском аспекте – с понятиями абстрактности и теории, а метонимии – с понятиями синтагматики, речи и – в философском аспекте – с понятиями конкретности и практики (см. КУБРЯКОВА 1990а, КУБРЯКОВА 1990b). Из этого следует, что корреляция метафоры и метонимии с вынужденной, обусловленной небезразмерностью памяти поверхностностью восприятия – фундаментальное свойство человеческой когниции, эволюционирующей от синкретизма – через промежуточное звено поверхностности – к альтернативности.

2.4.4. В целом можно говорить о том, что носители русского языка, стихийно отреагировав на присущий им биологический недостаток – ограниченность объема памяти, альтернативно восприняли две доступные им, значимые для человеческого мышления возможности создавать новые лексические значения – путем метафорических (по сходству) и метонимических (по смежности) переносов лексических значений.

2.5. Важной особенностью древней лексики является полиномия, то есть абсолютно синонимичное (дублетное) сосуществование разных названий одних и тех же понятий. Например, слово и термин *масса* утверждается в русском языке лишь к концу XVIII века, а «до этого разными авторами предлагались и использовались в данном смысле различные слова и выражения – *куча, глыба, громада, собрание вещества, толща* и т. д.» (ВЕСЕЛИТСКИЙ 1967: 31). Примеры дублетности терминологии в Петровскую эпоху приводит Г. И. Шкляревский: *оник, нуль; плоскость, поверхность, площадь, верховность, равность, равнина; полнолуние, полномесячие; помрачнение, потемнение, затмение; частица, атом, корпускул, пункт, монада*. Автор отмечает и случаи многозначности терминов: *круг* – ‘круг’ и ‘шар’; *устье* – ‘морской залив’, ‘морской пролив’, ‘устье реки’ и ‘жерло вулкана’ (ШКЛЯРЕВСКИЙ 1968: 21). До начала XIX века (до эпохи Пушкина) лексическая полиномия носителей языка не волновала, что свидетельствует о синкретичном невосприятии ими этого явления как логического противоречия. Однако в дальнейшем требование неполиномности терминов (и проявляющейся реже многозначности термина) понимается как закон.

По убеждению В. В. Веселитского, период XVIII – начала XIX веков «является как бы переходным, подготовительным, когда новые единые общенациональные нормы лишь складываются, вырабатываются и закрепляются под пером выдающихся писателей, ученых, передовых мыслителей – Кантемира, Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Новикова, Радищева и других. [...] В первой половине XIX в. (уже во времена Пушкина, и особенно в его творчестве) система национального литературного языка предстает уже в сложившемся, определенном виде» (ВЕСЕЛИТСКИЙ 1967: 31). Но это, разумеется, не значит, что данная система достигла предела совершенства и застыла.

2.6. Еще одной важной особенностью перцептивно-логической эволюции лексического состава русского языка является логичное разрешение затруднения, связанного с таким хорошо известным явлением, как массовое попадание в древнерусскую лексику церковнославянизмов, которые автоматически становились абсолютными синонимами однокоренных исконно русских слов. Носители русского языка, демонстрируя альтернативность восприятия, подсознательно не могли мириться с абсолютной синонимией таких примеров. Разрешение затруднения состоялось в виде размежевания в основном стилистического (*глас, град* [высок.] – *голос, город* [нейтр.]), реже семантического (*рождать* ≠ *рожать*) или в виде исключения одного из эквивалентов (в настоящее время имеется, например, стилистически нейтральный

русизм *болото* при отсутствии церковнославянизма *блато* и стилистически нейтральный церковнославянизм *вред* при отсутствии русизма *веред* – он сохранился в виде корня в *привередливый*, *привередливо*, *привередничать* и достаточно архаизированном *привереда*, но церковнославянизм *плен*, став стилистически нейтральным, полностью вытеснил древний русизм *полон*, который сохранился в украинском языке).

2.7. Следует сказать и о том, что в русском языке неизменно сокращается число просторечных слов и форм. Так, по наблюдениям Л. П. Крысина, слова и формы, относящиеся к группе «просторечие-1», типа *радио* (вместо *радио*), *колидор* (вместо *коридор*), *транвай* (вместо *трамвай*), *хочете* (вместо *хотите*), *выпимши* (вместо *выпивши*), по происхождению нередко диалектные, встречаются в речи лишь некоторых представителей старшего поколения, в основном выходцев из деревни. Встречающееся в речи молодежи просторечие-2, например, *поняла* (вместо *поняла*), *попутать* (вместо *перепутать*), *резетка* (вместо *розетка*), *более и не менее* (вместо *более-менее* или устар. *более или менее*), *согласно закона* (вместо *согласно закону*), «представляет собой разновидность менее яркую, чем просторечие-1, и менее определенную по набору типичных для нее черт», то есть носит достаточно случайный характер (Крысин 2008: 20–23).

Понятно, что просторечие-1 постепенно сходит на нет вместе с его носителями, но важно, что следующему поколению оно, как правило, не передается. Это свидетельство логичного упорядочения русской лексики, которое происходит благодаря альтернативности восприятия: воспринимая обе семантически тождественные номинации и не находя для них дифференциального стилистического признака, позволяющего различать эти номинации в рамках нормативности, подавляющее большинство носителей языка, «не сговариваясь», конвенциализируют одну из этих двух номинаций как ненормативную (просторечную).

2.8. Весьма показательным по своей основывающейся на альтернативности восприятия логичности в развитии лексического яруса языка является отсутствие необратимости происходящих здесь изменений: если возникает потребность обозначить устаревшее, но затем возродившееся понятие – деархаизируется и соответствующее слово или значение многозначного слова. Так, по наблюдениям О. П. Ермаковой, деархаизируются слова *губернатор*, *чиновник*, *купец*, *фискал*, *колдун*, *ведьма*, *ворожить* и слова, от них производные, а также прямые значения слов религиозной тематики, в советское время употреблявшихся в основном переносно, например, *причащаться*, *всенощная*, *иконостас* (Крысин 2008: 34–37).

2.9. В настоящее время продолжается и описанное несколькими абзацами выше развитие полисемии. Например, слова *фигурант*, *середняк*, *пользователь*, *подписант*, *казнить*, *расстрелять*, *раскручивать*, *мигалка*, *ниша*, *хит*, *афганец*, *газовик* получили переносные значения. Наблюдается развитие иронической энантиосемии, например, *схлопотать*, *получить*, *светить*, *угрожать*, *подарок*.

Однако, если в синонимической группе слов не вырабатываются либо стираются семантические или стилистические различия, возникает альтернативная по своей сути конкуренция номинаций, вследствие которой императивно побеждает лишь одна из них, например *свитер* при все менее частотном употреблении *джермпер* и *пуловер*. «В настоящее время не каждый носитель языка может объяснить, чем отличается пуловер от свитера, и почти никто не знает различий между джемпером и свитером» (то же можно сказать о словах *бокал* и *фужер*) (Крысин 2008: 53).

3. Таким образом, рассмотрение исторических преобразований русской лексики с точки зрения ее перцептивно-логической эволюции позволяет говорить о том, что обладающие альтернативным восприятием носители русского языка, стремясь обеспечить возможности смысловоразличения, логично оптимизируют русскую лексическую систему: 1) обобщенным характером лексических значений; 2) созданием абстрактной лексики; 3) образованием слов разнообразными деривационными средствами, в том числе от заимствований; 4) преодолением мнемонического недостатка путем использования двух доступных, метафорической и метонимической, возможностей создания новых лексических значений; 5) избавлением от логической противоречивости полиномии; 6) в основном стилистическим и реже семантическим различием церковнославянизмов и их исконно русских эквивалентов; 7) избавлением от просторечной лексики, коммуникативно не востребованной подавляющим большинством носителей языка; 8) логичным возвратом устаревших номинаций в случае возникновения коммуникативной потребности в них; 9) продолжением развития полисемии в настоящее время.

Представляется целесообразным дальнейшее, более глубокое, подробное и не статично фиксированное на современном состоянии, изучение перцептивно-логической эволюции русской лексики.

Литература

- АХМАНОВА 1969 = АХМАНОВА О. С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва, 1969.
- БАРУЛИН 2008 = БАРУЛИН А. Н. К аргументации полигенеза. В кн.: *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. *Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка*. Москва, 2008. 41–58.
- БУЛАХОВСКИЙ 1958 = БУЛАХОВСКИЙ Л. А. *Исторический комментарий к русскому литературному языку*. Киев, 1958.
- БУРЛАК 2011 = БУРЛАК С. А. *Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы*. Москва, 2011.
- БУСЛАЕВ 1959 = БУСЛАЕВ Ф. И. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1959.
- ВЕСЕЛИТСКИЙ 1967 = ВЕСЕЛИТСКИЙ В. В. Норма и вариант. *Русский язык в школе* 1967/5: 30–36.
- ВИШНЯЦКИЙ 2004 = ВИШНЯЦКИЙ Л. Б. *Человек в лабиринте эволюции*. Москва, 2004.
- ГАК 1990 = ГАК В. Г. Асимметрия в языке. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990. 47.

- ГОРБАЧЕВИЧ 1989 = ГОРБАЧЕВИЧ К. С. *Нормы современного русского литературного языка*. Москва, 1989.
- КАРЦЕВСКИЙ 1965 = КАРЦЕВСКИЙ С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В кн.: ЗВЕГИНЦЕВ В. А. (сост.) *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. 2. Москва, 1965. 85–90.
- КРЫСИН 2008 = КРЫСИН Л. П. (ред.) *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Москва, 2008.
- КУБРЯКОВА 1990a = КУБРЯКОВА Е. С. Парадигматика. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990. 366–367.
- КУБРЯКОВА 1990b = КУБРЯКОВА Е. С. Синтагматика. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990. 447–448.
- ПОПОВ 2015 = ПОПОВ С. Л. *Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект*. Дис. ... докт. филол. наук. Харьков, 2015.
- РИЖСКИЙ 1973 = РИЖСКИЙ И. С. Введение в круг словесности. В кн.: *Хрестоматия по истории русского языкознания*. Москва, 1973. 37–39.
- РОЗЕНТАЛЬ–ТЕЛЕНКОВА 1985 = РОЗЕНТАЛЬ Д. Э., ТЕЛЕНКОВА М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва, 1985.
- СЕРЕБРЕННИКОВ 1970 = СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А. К проблеме сущности языка. В кн.: *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. Москва, 1970. 9–95.
- СЕЧЕНОВ 1952 = СЕЧЕНОВ И. М. Элементы мысли. В кн.: СЕЧЕНОВ И. М. *Избранные произведения*. Т. 1. *Физиология и психология*. Москва, 1952. 272–426.
- ТРУБАЧЕВ 1991 = ТРУБАЧЕВ О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. Москва, 1991.
- УОРФ 1960 = УОРФ Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 1. Москва, 1960. 135–168.
- ФИЛИН 2006 = ФИЛИН Ф. П. *Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк*. Москва, 2006.
- ФОМИНА 1990 = ФОМИНА М. И. *Современный русский язык. Лексикология*. Москва, 1990.
- ЧЕРНЫХ 1962 = ЧЕРНЫХ П. Я. *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1962.
- ШАНСКИЙ 1972 = ШАНСКИЙ Н. М. *Лексикология современного русского языка*. Москва, 1972.
- ШКЛЯРЕВСКИЙ 1968 = ШКЛЯРЕВСКИЙ Г. И. *История русского литературного языка (первая половина XVIII века)*. Харьков, 1968.
- ШМЕЛЕВ 1977 = ШМЕЛЕВ Д. Н. *Современный русский язык. Лексика*. Москва, 1977.
- ЭЛЬКОНИН 2005 = ЭЛЬКОНИН Д. Б. *Детская психология*. Москва, 2005.
- ЮДИНА 2010 = ЮДИНА Н. В. *Русский язык в XXI веке. Кризис? Эволюция? Прогресс?* Москва, 2010.
- ЯКОБСОН 1985 = ЯКОБСОН Р. Лингвистические типы афазии. В кн.: ЯКОБСОН Р. *Избранные работы*. Москва, 1985. 287–300.
- ЯКОБСОН 1990 = ЯКОБСОН Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений. В кн.: *Теория метафоры*. Москва, 1990. 110–132.
- BLOOM 2004 = BLOOM P. Can a dog learn a word? *Science* 304 (2004): 1605–1606.
- CLARK 1993 = CLARK E. V. *The Lexicon in Acquisition*. Cambridge, 1993.